

Современная наука и инновации.
2023. № 2(42). С. 192-202
Modern Science and Innovations.
2023; 2(42):192-202

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ /
POLITICAL SCIENCE

Научная статья / Original article

УДК 323
DOI: 10.37493/2307-910X.2023.2.21

Марина Владимировна Лимарева
[Marina V. Limareva]

**Особенности современной регионализации
системы местного самоуправления (на
примере национальных республик
Северного Кавказа)**

**Features of the modern regionalization of the
local self-government system (using the
example of the northern Caucasus national
Republics)**

*Северо-Кавказский Федеральный университет, Пятигорский институт (филиал), г. Пятигорск,
Россия / North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk Institute (branch), Pyatigorsk, Russia, pragpu@mail.ru*

Аннотация. В демократических политических системах всегда на первом месте стоял вопрос о качестве и эффективности системы местного самоуправления. При этом развитость демократических институтов предполагала взаимовыгодный диалог власти с гражданским обществом. В странах с транзитной системой демократии, где политические институты и гражданское общество находятся в состоянии формирования, такие диалоговые формы отношения всегда вызвали многочисленные нарекания, вследствие постоянных и многочисленных системных сбоев. Регион Северного Кавказа имеет целый ряд специфических особенностей, носящие как трансформационный (модернистский) характер, так и связанный с существующими здесь историческими этнополитическими традициями. Специфика во многом детерминирована существующими традициями, основанными на опыте самобытного догосударственной этнодемократии, подогнанной под конкретные властные отношения. При этом существующие здесь системы местного самоуправления, весьма органически сочетаются с этнократическими традициями. Именно анализу этих особенностей и будет посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: регионализация; местное самоуправление; политические элиты; кадровая политика; традиции; вызовы и угрозы; кризис

Для цитирования: Лимарева М.В. Особенности современной регионализации системы местного самоуправления (на примере национальных республик Северного Кавказа) // Современная наука и инновации. 2023. №2 (42). С. 192-202. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.2.21>

Abstracts. In democratic political systems, the question of the quality and effectiveness of the local self-government system has always come first. At the same time, the development of democratic institutions suggested a mutually beneficial dialogue between the authorities and civil society. In countries with a transit system of democracy, where political institutions and civil society are in a state of formation, such dialog forms of relations have always caused numerous complaints due to constant and numerous systemic failures. The North Caucasus region has a number of specific features that are both transformational (modernist) in nature and connected with the historical ethnopolitical traditions existing here. Specificity is largely determined by existing traditions based on the experience of an original pre-state ethnodemocracy, caught up with specific power relations. At the same time, the local government systems existing here are very organically combined with ethnocratic traditions. Up to the analysis of these features this paper would be devoted.

Key words: regionalization, local self-government system, political elites, personnel policy, traditions, challenges and threats, crisis

For citation: Limareva M. V. Features of the Modern Regionalization of the Local Government System (on the example of the National Republics of the North Caucasus) // *Modern Science and Innovations*. 2023;2(42):192-202. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.2.21>

Как показывает исторический политический опыт, эффективность власти во многом зависит от того, как центральные структуры находят взаимопонимание с местными органами власти. Насколько успешно они решают совместные задачи, насколько глубоко устанавливается у них взаимопонимание и взаимодоверие, настолько эффективней они оцениваются общественным мнением и имеют общественную поддержку. [См.: 26-27]

В данном исследовании мы больше остановимся не на самом механизме формирования и функционирования системы местного самоуправления, а на тех факторах, которые оказывают прямое (непосредственное) влияние на него. Исследования этого политологического контекста, позволяет нам более адекватно понять и сам механизм его работы.

Данная тема напрямую связана с проблемой межнациональных отношений и национальной идентичностью. Именно формирование и развитие последней во многом предопределяет особенности и характер местного самоуправления. Зарубежные авторы часто рассматривают особенности межнациональных отношений в контексте политики ведущих мировых держав и процессов глобализации (Э. Саида, С. Хантингтона, М. Хардта и А. Негри). Так, С. Хантингтон утверждал, что имеется глобальный кризис форм национальной идентичности, переживаемый в практике функционирования практически всеми государствами. Отечественные исследователи, чаще приходят к выводу о том, что в сфере национальных отношений важнейшим фактором является конструктивный диалог, диалог цивилизаций, что является «факторной значимости этнической комплементарности для укрепления российской государственности». [13, с. 385]

Следует учитывать и сбрасывать со счетов и религиозный фактор. Многоконфессиональность является одним из самых древнейших признаков этого региона. И речь здесь идет не только об христианстве и исламе, но и о различных внутриконфессиональных течениях. [17, с. 383-387] Традиционные сообщества всегда сильны не только своими патриархальными (семейно-родовыми), но и религиозными отношениями. Роль религиозных представителей здесь всегда была высокой, даже в официально атеистические годы Советской власти. И не удивительно, что именно представители духовенства часто принимают участие в национально-общественных движениях и федеральные власти именно через них часто доводят для их сообществ свои основные идеи и стратегические цели.

И еще один немаловажный фактор, который оказывает существенное влияние на формирование и развитие местного самоуправления – это фактор развития федеративных отношений в России в целом. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Д.А. Медведева 5 ноября 2008 г. говорится что, «еще один фактор, способный серьезно упрочить нашу Федерацию - это поддержка национальных традиций и культур народов России. Считаю это не только условием укрепления федеративных основ, но и условием согласия в нашем обществе, единства российской нации - как залога стабильного, цивилизованного развития всей страны». [22]

В анализе данного вопроса исследователи часто констатируют, что «Система органов государственной власти и местное самоуправление, сформировавшиеся в постсоветский период, являются, с одной стороны, продолжением тенденций, заложенных в развитие города и государства в предыдущие эпохи, но, с другой стороны, содержит в себе принципиально новые моменты политического строительства». [10] Именно эти особенности (нюансы) чаще всего и вызывают бурные научные разногласия в оценках и политические споры в практической реализации.

Политический ландшафт Юга России имеет ряд специфических особенностей. «В пределах южного макрорегиона существует два основных этнокультурных ареала: "русский"

ареал, который преимущественно совпадает с пространством областей и краев, и ареал расселения народов Северного Кавказа, включающий республики, характеризующиеся высокой концентрацией титульных этносов. Территории, составляющие пограничные области данных двух ареалов, представляют зону значительного социокультурного напряжения». [14, с.75]

Эксперты отмечают, что только в последние десятилетия местное самоуправление стало заметным действующим институтом народовластия, реализующим культурные, социальные, политические, гражданские и даже экономические инициативы. «Местное самоуправление представляется в качестве политического института, занимающего в системе взаимодействия власти и общества опосредующее положение между государством и гражданским обществом, и таким образом, обеспечивающего реализацию прямых и обратных связей в системе государственного управления. На муниципальном уровне происходит наиболее тесное взаимодействие между властью и обществом и от того, насколько результативным оно является, зависит эффективность не только муниципального, но и государственного управления в целом». [5, с. 3] Но это вовсе не означает, что нет недостатков и не звучит критика. Вопросы к системе местного самоуправления по-прежнему остаются много, как и рост предложений по ее совершенствованию.

Особенности региональных системы местного самоуправления наглядно прослеживаются на примере муниципального реформирования в национальных республиках Северного Кавказа. Центральные власти напрямую связывают будущее успешное развитие Российской Федерации с успешностью реализации реформ муниципального уровня. Как отмечалось президентом России В.В. Путиным, «дальнейшее развитие сильного, независимого местного самоуправления, конечно, одна из наших важнейших задач». [24]

Следует особо подчеркнуть, что к настоящему времени российские власти подвели под нормальное функционирование органов местного самоуправления достаточную правовую базу, регулируемую ее различными сторонами деятельности. И эта правовая база постоянно дополняется и совершенствуется. Помимо федерального уровня существует еще целая база местных, региональных подзаконных актов, которые регулируют деятельность органов местного самоуправления. Проблемы начинаются на уровне политического осознания и практической реализации этой правовой системы.

Для Юга России и Северного Кавказа в частности, органы местного самоуправления не обладали автономным статусом, практически являясь нижним звеном государственной власти. Муниципальная реформа в период 1991 - 2002 гг. блокировалась региональной властью. Президент России В.В. Путин в этой связи ещё в 2002 г. отмечал: «По моим наблюдениям, самые ярые сторонники региональной самостоятельности подчас оказываются самыми жёсткими противниками местного самоуправления». [23] Долгое время в национальных республиках Северного Кавказа эта реформа больше имитировалась, чем претворялась в действительности. [См.: 3; 33] Одной из глубинных причин этого правового нигилизма заключается в слабости институтов демократии и наличие местных патриархальных традиций, которые их подменяли и продолжают в известной степени подменять. [29]

Изучение процесса формирования органов государственной власти, общественно-политических организаций и населения юга России, приводит к выявлению прямой зависимости «их развития от исторически сложившихся традиций развития культурно-национальных, экономических, политических, идеологических и т.п. условий и их эволюции. Юг России при этом понимается как особый феномен, обладающий специфическим набором экономических, национальных, культурных и исторических особенностей, ограниченный общей территорией и имеющая специфику внутренних государственных и общественных отношений». [21, с. 7] При этом, если в 1990-е гг. практически повсеместно наблюдалось противостояние регионов и федерального центра, то после 2000-х гг. ситуация коренным образом поменялась, а после окончания чеченского конфликта, можно говорить об установлении особого консенсуса между этими центрами власти.

Как справедливо отмечают российские исследователи, «муниципальное реформирование в республиках Юга России проходило и проходит сложно и противоречиво. На ход политических преобразований в республиках Юга России большое влияние оказывают дополнительные факторы, характерные для данного региона: слабые институты гражданского общества, высокий уровень этнизации регионального политического пространства, консерватизм общества, традиционализм, отсутствие исторического опыта местного самоуправления. Все эти факторы влияют на муниципальное реформирование и приводят к тому, что практически во всех республиках Юга России наметилось заметное отставание по всем направлениям муниципальной реформы по сравнению с краями и областями этого же региона». [32, с. 3]

Отдельной темой является проблема развития и восприятия населением демократических институтов. Пришедшие с Запада демократические нормы не всегда вписываются в существующие здесь общественно-политические традиции. Поэтому и уровень доверия/недоверия к ним оставляет желать лучшего. Эксперты отмечают, что «общей проблемой для всех стран этого региона является вопрос о зрелости их демократических институтов, вопрос о том, насколько та форма демократии, которая у них существует, отвечает каноническим требованиям западного стандарта. Сейчас демократия стала самой распространенной формой политического режима. Но именно эта распространенность и порождает все существующее ныне ее многообразие. Сегодня все политики утверждают, что они демократы. Но сколько политиков, столько и понимания сущности демократии». [11, с. 80]. В политических кругах северокавказского региона бытуют свои представления о нормах и видах демократии, но данная тема является предметом отдельного научного исследования, поэтому мы ограничимся констатацией самого этого факта.

Мировой опыт квотирования мандатов по национальному признаку показывает, что необходимо учитывать этнокультурные особенности каждого отдельно взятого региона. «Анализ этнополитической ситуации свидетельствует, что в таком специфически многонациональном регионе очень важно учитывать проблему национального представительства в органах государственной власти и местного самоуправления. Отмена принципа квотирования мандатов по национальному признаку и выборам через демократические институты пока не улучшает ситуацию» в национальных республиках Северного Кавказа. [25, с.4] Данный вопрос нуждается не только в широком общественном обсуждении, но и в постоянном научном сопровождении. Без данных академической науки что-либо менять (отменять или вводить) ни в коем случае нельзя.

На состояние региональной системы местного самоуправления оказывает влияние целый комплекс проблем, начиная от миграционных процессов и социально-экономических деструктивных тенденций и заканчивая селекцией политических элит и этнополитические конфликты. Регионализация всегда привносит в характер политических элит свои территориальные и национальные особенности [30, с. 122-137].

Исследователи выделяют две базовых исторически сложившиеся здесь модели региональных взаимоотношений – «компромиссную» и «кризисную». Они в частности отмечают, что «компромиссная» историческая модель взаимоотношений органов государственной власти, общественно-политических организаций и населения юга России проявляется «в усилении процессов сохранения национальной идентичности; ограничение регионами, обладающими гораздо большими возможностями для достижения и реализации собственных интересов..., а с другой стороны, границами «кризисных» национально-территориальных образований, являющихся источником потенциальных конфликтов и нестабильности». [21, с. 11]. В отличие от первой, вторая («кризисная») модель взаимоотношений, «характеризует наличие особого самосознания общественно-политических лидеров и руководителей органов власти на местах, особый характер общественного устройства... Особенностью данной модели является сохранение «силовых» форм взаимоотношений как со стороны центральных органов власти, так и со стороны

отдельных представителей местного руководства и общественно-политических сил». [21, с. 12] Такая модель имела место в постсоветской России в 1990-е гг., когда произошло массовое разрушение крупных экономических предприятий, рост безработицы, приведшие к катастрофическому повышению уровня социальной нестабильности, особенно в национальных северокавказских республиках.

Властям этого региона постоянно приходится сталкиваться с проблемой миграции, поскольку этнополитические конфликты регулярно сотрясают местный миропорядок. С миграцией тесно связана и другая социальная проблема - безработица. Поэтому власти приходится одновременно решать целый комплекс проблем, когда одна проблема «цепляется» за другую. [7, с. 188-189]

На развитие региональной системы местного самоуправления накладываются риски и угрозы социально-экономического состояния региона. Именно теневой сектор региональных экономик вызывает наибольшее опасение у федерального центра, поскольку таит в себе угрозу не только для развития криминалитета, но и сепаратизма. «Независимые эксперты считают, что местная экономика делится на легальную, которая платит налоги (30-40 %), теневую (неучитываемые работы и услуги - 20-25 %) и неофициальную, криминальную, фиктивную (свыше 50 %). Например, более полумиллиона жителей Республики Дагестан существуют только в сборниках Росстата и списках для распределения дотаций. Но отсутствуют в медицинской и избирательной отчетности, не согласуются с данными по доходам населения, инвестициям, числу безработных. Эти «мертвые души» дают пять - шесть миллиардов рублей, которые оседают в карманах местных чиновников». [8, с. 6] Теневой сектор создает дополнительные стимулы для развития коррупции среди чиновничества. И власти знают об этом и регулярно докладывают наверх о своих успехах в борьбе с этим главным пороком бюрократии.

Подобные тенденции и сопровождающие их постоянные скандалы, связанные со следственными действиями силовиков в ряде министерств и ведомств национальных республик Северного Кавказа, привели к улучшению управленческой ситуации. Власти утрачивают свой авторитет, теряют доверие среди местного населения [15, с. 30-31].

В этой связи достаточно высокое место по негативному воздействию на этнополитический процесс в иерархии рисков занимает ухудшению социально-экономического положения значительной части населения этого региона. Данный рискогенный фактор имеет общероссийский генезис, дополненный региональной спецификой. На социально-экономический фактор как основной среди конфликтогенных на юге России было указано руководством страны еще в 2009 году, и он не утратил актуальность. «Экономика страны остается привязанной к продаже сырья», «рост цен и тарифов в ЖКХ неизменно приведут к дальнейшему падению доходов населения, к недовольству и росту напряженности». Отсутствие социальных протестов со стороны населения, как полагают эксперты, обусловлено тем, что «к настоящему времени население приспособилось к сложившейся ситуации», а также тем, что «в регионах реализуется большое количество федеральных целевых программ, инвестиционных проектов». [1, с.93] Эксперты ... считают, что необходимо «ужесточение контроля за реализацией этих проектов в регионах и ответственности руководителей за некачественное их исполнение», поскольку есть «случаи, когда заявленные как реализованные проекты в реальности – полумифы». Важно также реализовывать «не крупные проекты (которые на Кавказе, как правило, оказываются аферой), а локальные «приземленные» проекты без лишнего шума и пафоса». [9, с. 74]

Этнический вопрос всегда был ключевым в развитии негативных тенденций северокавказского региона. «Наибольший конфликтогенный потенциал этнического фактора проявился в "национальных" республиках Северного Кавказа. В качестве примера можно привести этнополитические противоречия карачаевцев и черкесов, кабардинцев и балкарцев, неурегулированный конфликт между Северной Осетией и Ингушетией, территориальные споры

Чечни и Ингушетии, многосторонние этнополитические противоречия в Дагестане, пресловутые черкесский, кумыкский, ногайский и лезгинский вопросы». [14, с. 75-76]

Подобные конфликты не дают нормально развиваться региональным системам местного самоуправления, тормозят их, вносят дисфункции. Население вынуждено заниматься другими «насуущими проблемами», которые отвлекают их от реально важных дел. [31]

На характер развития и состояния региональной системы местного самоуправления свое негативное давление оказывает социально-экономические и миграционные процессы. Так, в 2000-2010-е гг. «отчетливо обозначилась тенденция активного переселения жителей республик Северного Кавказа на "русскую равнину". Сельская миграция из высокогорных районов Дагестана или Чечни в "русские" регионы ведет к росту межнациональной напряженности, бытовым и межэтническим конфликтам. Неконтролируемые этнические миграции изменяют привычный этнополитический баланс. Коррупционированность местных властей позволяет мигрантам занимать ключевые позиции в экономике, "выдавливает" местных жителей». [14, с.76] К этому следует также добавить и фактор приграничной территории, который тоже никогда нельзя упускать из виду, когда встает вопрос анализа особенностей местных сообществ.

После 1991 г. граница Российской Федерации прошла как раз по ее южным землям, обострив до известной степени вопрос приграничного сотрудничества. Именно на этой границе возникли самые острые конфликтные противоречия, которые России поэтапно разрешала на всем своем постсоветском отрезке политической истории. И в решении этого вопроса вновь не обошлось без установления доверительного диалога центра и региона, власти и общества.

Руководители национальных республик весьма ревностно относятся к установленным еще в советское время административным границам, считая их неприкосновенными и потому любые спекуляции на эту тему всегда грозят взорвать ситуацию изнутри. [31, с.266] В прошлом многие национальные движения начинались с обоснования своих претензий на те или иные границы, которые якобы имеют исторические основания. На этой почве в 1990-е гг. появилось масса идеологических спекуляций, не имеющих ничего общего с исторической наукой. [12] И на этих фейках многие националистические силы выстраивали свои далеко идущие политические стратегии. Реакция Кремля на эти провокации всегда была жесткой. Российское руководство пошло по пути «консервации сложившихся административных границ», обоснованно опасаясь эскалации и насилия. [31, с. 267]

Федеральный центр берет на себя инициативу по изменению параметров архитектуры местной политической и административной власти. Так, «в 2014 г. произошла реорганизация управления макрорегионом. Создание Министерства РФ по делам Северного Кавказа привело к перераспределению функций полпредства в пользу административно-управленческой деятельности за счет экономической. Последней же теперь занимается вновь образованное министерство. Подобные организационные решения чреваты отходом от принципов системного антиконфликтного менеджмента, лежавших в основе деятельности полпредства в СКФО с момента его образования в 2010 г.». [1, с. 92] Меры, регулирующие равновесие ресурсов местной власти, применялись и в последующие периоды. Их главная цель была в поиске баланса сил, нахождении оптимальной формулы власти и местного самоуправления.

Особо подчеркнем, что местные политические системы шли в русле тех изменений, которые происходили в центре Российской Федерации. Если в 1990-е гг. это были либеральные ценности и демократические целеполагания, то в 2000-х гг. такими целеполаганиями стали уже потребность в укреплении (усилении) вертикали власти, а в 2010-е гг. – эффективность системы управления и ужесточения борьбы с коррупцией и теневой экономической деятельностью. В начале 2020-х гг. произошло новое уточнение этих парадигм политического мышления, связанного с обострением геополитического конфликта России с так называемым коллективным Западом и переориентацией России с Запад

(Европы) на Восток (Азию). В моду вновь вошел традиционализм и консерватизм, что повысило роль местных традиционных общественных отношений.

Именно в это время мы наблюдаем в Российской Федерации смену государственно-управленческой парадигмы в управлении развитием федеративных отношений: переход от политики децентрализации власти и управления (времен Б.Н. Ельцина) - к политике консолидации (эпохи В.В. Путина). [19, с. 179-188] Данная смена не могла не отразиться и на взаимоотношении региональной власти с местными органами самоуправления. И данный контент стали широко обсуждаемой темой как в академической, так и в общественно-политической среде.

В частности, одной из обсуждаемых тем последнего времени стала тема возрождения российского «имперского проекта». Эта тема стала актуальной в связи с возвращением России в число ведущих мировых держав, статус которой был ею частично утрачен после событий 1991 г. По данному вопросу звучат как положительные, так и отрицательные замечания, и комментарии. Не вдаваясь в детали этой дискуссии, отметим, что юг России исторически был включен в эту тему (тему имперства) поскольку в прошлые века оспаривался многими ведущими империями мира (персидской, Османской и Британской). Регион Северного Кавказа рассматривался как один из главных «призов» в этой «большой игре». [См.: 16; 18] Соответственно и местные элитные сообщества это тоже прекрасно понимали и в прошлом неоднократно становились разменной монетой в этом геополитическом соперничестве. В последний раз это случалось в 1990-е гг., во время чеченских военных событий.

Политические элиты постоянно требуют к себе особого подхода. И особенно это касается проводимой на конкретной территории кадровой политики. Сложный во всех отношениях регион Северного Кавказа всегда приковывал к себе пристальное внимание, как самих федеральных властей, так и научного сообщества.

Кадровая политика этого региона тоже имеет ряд особенностей. Как отмечают исследователи, заметно влияние традиционных (патриархальных) элементов, которые складывались здесь в общественно-политической системе на протяжении целого ряда столетий. Кадры часто формируются здесь по принципу клиентелизма, и не всегда носит прозрачный для общественности характер. И этот фактор тоже оказывает свое влияние (давление) на местные органы самоуправления. [2]

Социологи отмечают, что «анализ деятельности государственной бюрократии, к сожалению, свидетельствуют не о повышении, а снижении профессионализма государственных служащих. При этом состояние государственной службы на данном уровне, ее особенности и специфика, качество профессионализма государственной бюрократии, проблемы управления профессионально-личностным развитием исследованы явно недостаточно». [4, с. 3] В 2000-2010-е гг. российский центр предпринял целый ряд мер по улучшению работы с кадровым составом и искоренения имеющихся недостатков. [20] Главный упор делался на формирование конструктивного диалога между властью и местным гражданским обществом. Насколько успешно это было сделано, судить сложно из-за разности территорий и экономик (социально-экономического положения). Однако при этом социологи постоянно фиксируют мнение общественности о том, что население не несет ответственности за результаты деятельности местного самоуправления. [6, с. 113]

Экспертами признается, что проводимые в России политические реформы были всегда нацелены на повышение конкурентоспособности страны в условиях глобализации и обострения межстрановой конкуренции. В идеале это должно было привести к созданию независимого и профессионального государственного управления, и центральной государственной службы, штат которых комплектуется на основе квалификации и деловых качеств сотрудников. [26, с. 25] Однако, практика столь часто расходится с теорией и правовыми нормами, что требует постоянного уточнения. Именно мониторингом этих изменений и занимается современная российская политическая наука.

Выводы. Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет нам сделать некоторые предварительные выводы. Пограничность этой территории накладывает свой

отпечаток на функционирование местных органов власти и меру их ответственности за обеспечение безопасности. Территориальная пограничность усиливает необходимость диалогового характера взаимоотношения региональной власти и гражданского общества, отсутствие которого грозит серьезными конфликтами от межнациональной розни до серьезного геополитического соперничества.

Для установления конструктивного диалога власти с обществом важно чтобы его участники знали друг друга как можно лучше. Любое дистанцирование и устранение от решения насущных проблем, может не просто их отдалить друг от друга, но и усилить недоверие и конфликтность во всем этом многосложном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92-99.
2. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 318 с.
3. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии. М.: Изд-во Норма. 2008. 278 с.
4. Бочкова О. А. Государственная бюрократия в системе органов управления: Федеральный и региональный аспект: дис. кандидат социологических наук: 22.00.08 - Социология управления. Казань. 2004. 277 с.
5. Бутитова Д. Ц. Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества современной России: региональный опыт. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02. - Политические институты, политические процессы и технологии. М., 2009. 164 с.
6. Вагина Л. Реформа местного самоуправления: кадры решают все // Свободная мысль. 2006. № 9.
7. Васильева О. А. Этнополитические конфликты на Южных рубежах постсоветской России: опыт политического управления. Монография. Армавир: РИЦ АГЦА, 2011. 259 с.
8. Гаджиев М. М. Государственная национальная политика: базовые подходы к моделированию межнациональных отношений и политические технологии их оптимизации (на примере республики Дагестан). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02. - Политические институты, политические процессы и технологии. Махачкала 2020. 282 с.
9. Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация в северокавказском регионе: эксперты об угрозах и путях их минимизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 7 (85). Ч. 2. С. 73-75.
10. Егорова В. М. Актуальные проблемы реализации государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: на примере города Москвы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02. М., 2013. 169с.
11. Карабущенко П. Л. Политическая культура евразийских элит: от частного к общему // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 4. С. 65-64. DOI: 10.46539/elit.v2i4.85.
12. Карабущенко П. Л. Политическая фальсификация истории стран Прикаспийского региона // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории. Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19 – 21 сентября 2012). В 2-х томах. Т. 2. / Под ред. проф. П. Л. Карабущенко. Астрахань: АГУ, 2012. С. 120- 144.
13. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: «Научный эксперт», 2012. С. 385.
14. Котеленко Д. Г., Патракеева О. Ю. Политический ландшафт Юга России. // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 75-82.

15. Кремлевский рейтинг губернаторов-2018 // Русский репортер. 2018. № 8-9. С. 30-31.
16. Маркелов К. А. Новые имперские тенденции Евразии: политические элиты в поисках своего лидерства // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 3. С. 140-155. doi.org/10.46539/elit.v2i3.76
17. Мирзаханов Д. Г., Магомедов А. К. Динамика и особенности политизации ислама в постсоветском Дагестане // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 383-387.
18. Оськина О. И., Кудряшова Е. В., Джанталеева М. Ш. Имперская идея в системе международных отношений. // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 4. С. 22-35. DOI: 10.46539/elit.v2i4.82
19. Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 179-188.
20. Понеделков А. В. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее / А. В. Понеделков, А. М. Старостин // Полис. 2008. № 6. С. 86-98.
21. Пономарева М. А. Власть и общество на Юге России в условиях политических и социальных преобразований в 1960-1990е годы. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Ростов-на-Дону. 2020. 666 с.
22. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Д. А. Медведева 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 6 ноября. 2008.
23. Путин В. В. Выступление на заседании Государственного Совета по вопросам местного самоуправления. М., 23.10.2002. <http://www.kremlin.ru>. (дата обращения: 05.05.2022).
24. Путин В. В. Выступление Президента РФ на встрече с делегатами Всероссийского съезда муниципальных образований. 8.11.2013. М., <http://www.kremlin.ru>. (дата обращения: 01.05.2022).
25. Саидов А. С. Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: региональные особенности: на примере Республики Дагестан. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02. - Политические институты, политические процессы и технологии. М., 2010. 190 с.
26. Сологуб В. А. Эффективность бюрократии и бюрократический клиентализм // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2012. № 2. С. 25-31.
27. Старостин А. М. Философия местного самоуправления. Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2013. № 3. С. 35-40.
28. Старостин А. М. Эффективность деятельности государственной власти и управления. Ростов н/Д., 2006. 423 с.
29. Тощенко Ж. Т. Развитие демократии и становление местного самоуправления в России. // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 31-39.
30. Усова Ю. В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении // Вопросы элитологии. Т. 1. № 4, 2020. С. 122-137. DOI: 10.46539/elit.v1i4.40.
31. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2012. 272с.
32. Шустов В. Г. Особенности муниципального реформирования в республиках Юга России в постсоветский период (политический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02. Ростов-на-Дону 2016. 391 с.
33. Щепачев В. А. Формирование конституционной концепции местного самоуправления и проблемы её реализации в законодательстве РФ. Диссертация доктора юридических наук. М., 2014. 538 с.

REFERENCES

1. Avksentiev V. A., Gritsenko G. D. The ethnopolitical situation in the North Caucasus: expert assessment // Sociological Research, 2016, No. 1. P. 92-99.
2. Afanasyev M. N. Clientelism and Russian Statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia. 2nd ed., supplement. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2000. 318 p.
3. Bondar N. S. Local self-government and constitutional justice: constitutionalization of municipal democracy. M., Publishing House Norm. 2008. 278 p.
4. Bochkova, O. A. State bureaucracy in the system of government bodies: Federal and regional aspect: dis. Candidate of Sociological Sciences: 22.00.08 - Sociology of Management. Kazan. 2004. 277 p.
5. Butitova D. Ts. Local self-government in the system of interaction between government and society in modern Russia: regional experience. Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences in the specialty 23.00.02. - Political institutions, political processes and technologies. M., 2009. 164 p.
6. Vagina L. Reform of local self-government: cadres decide everything // Free thought. 2006. № 9.
7. Vasilyeva O.A. Ethnopolitical conflicts on the Southern borders of post-Soviet Russia: experience of political management. Monograph. Armavir: RIC AGCA, 2011. 259 p.
8. Gadzhiev M.M. State national policy: basic approaches to modeling interethnic relations and political technologies for their optimization (on the example of the Republic of Dagestan). Dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences in the specialty 23.00.02. - Political institutions, political processes and technologies. Makhachkala 2020. 282 p.
9. Gritsenko G. D. The ethnopolitical situation in the North Caucasus region: experts on threats and ways to minimize them // International Research Journal. No. 7 (85). Part 2. July. 2019. P. 73-75.
10. Egorova V. M. Actual problems of the implementation of state power and local self-government in the Russian Federation: on the example of the city of Moscow. Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences in the specialty 23.00.02. M., 2013. 169 p.
11. Karabushchenko P. L. Political culture of the Eurasian elites: from the private to the general // Questions of Elitology. Vol. 2. No. 4. 2021. P. 65-64. DOI: 10.46539/elit.v2i4.85.
12. Karabushchenko P. L. Political falsification of the history of the countries of the Caspian region // Preservation of cultural heritage and problems of falsification of history. Mothers of the All-Russian Youth Conference within the framework of the Science Festival (Astrakhan, September 19-21, 2012). In 2 vol. Vol. 2. / Edited by prof. P. L. Karabushchenko. Astrakhan: ASU, 2012. P. 120- 144.
13. Quality and success of state policies and management. M.: "Scientific Expert", 2012. 385 p.
14. Kotelenko D. G., Patrakeeva O. Y. The political landscape of the South of Russia. // Bulletin of the Southern Scientific Center, 2014. Vol. 10. No. 2. P. 75-82.
15. Kremlin rating of governors-2018 // Russian Reporter. 2018. No. 8-9. P. 30-31.
16. Markelov K. A. New Imperial tendencies of Eurasia: Political elites in search of their leadership // Questions of Elitology. Vol. 2. No. 3. 2021. P. 140-155. doi.org/10.46539/elit.v2i3.76.
17. Mirzakhanov D. G., Magomedov A. K. Dynamics and features of Islam politicization in post-Soviet Dagestan // Civic unity, ethno-cultural and confessional diversity as value bases and factors of consolidation of Russian society. Rostov N/D.: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 383-387.
18. Oskina O. I., Kudryashova E. V., Dzhantaleeva M. Sh. The Imperial idea in the system of international relations. // Questions of Elitology. 2021. Vol. 2. No. 4. P. 22-35. DOI: 10.46539/elit.v2i4.82.
19. Plais Ya. A. Political science in the context of a transitional era in Russia. Moscow:

ROSSPEN, 2009. P. 179-188.

20. Ponedelkov A. B. Regional administrative and political elites of Russia: past, present, future / A. B. Ponedelkov, A. M. Starostin // Polis. 2008. No. 6. P. 86-98.

21. Ponomareva M. A. Power and society in the South of Russia in the conditions of political and social transformations in the 1960s-1990s. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences in the specialty 07.00.02 – Russian History. Rostov-on-Don. 2020. 666 p.

22. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly D. A. Medvedev on November 5, 2008 // Rossiyskaya Gazeta. November 6th. 2008.

23. Putin V. V. Speech at the meeting of the State Council on Local Self-Government. Moscow, 23.10.2002. <http://www.kremlin.ru> (accessed: 05.05.2022).

24. Putin V.V. Speech of the President of the Russian Federation at a meeting with delegates of the All-Russian Congress of Municipalities. 8.11.2013. M., <http://www.kremlin.ru> (accessed: 01.05.2022).

25. Saidov A. S. Ethnic factor in the formation and development of Russian federalism: regional features: on the example of the Republic of Dagestan. Dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences in the specialty 23.00.02. - Political institutions, political processes and technologies. M., 2010. 190 p.

26. Sologub V. A. Efficiency of bureaucracy and bureaucratic clientalism // State and municipal management: scientific notes of SKAGGS. 2012. No. 2. P. 25-31.

27. Starostin A. M. Philosophy of local self-government. State and municipal administration. Scientific notes of SKAGGS. 2013. No. 3. P. 35-40.

28. Starostin A. M. Efficiency of state power and management. Rostov N./D., 2006. 423 p.

29. Toshchenko J. T. The development of democracy and the formation of local self-government in Russia. // Sociological research. 2003. No. 8. P. 31-39.

30. Usova Yu. V. Administrative and political elites of modern Russia in the regional dimension // Questions of elitology. 2020. Vol. 1. No. 4. P. 122-137. DOI: 10.46539/elit.v1i4.40.

31. Khlynina T. P., Krinko E. F., Urushadze A. T. The Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of the borders of the region. Rostov-on-Don: Publishing House of the UNC RAS, 2012. 272 p.

32. Shustov V. G. Features of municipal reform in the republics of Southern Russia in the post-Soviet period (political analysis). Dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences in the specialty 23.00.02. Rostov-on-Don, 2016. 391 p.

33. Shchepachev V. A. Formation of the constitutional concept of local self-government and the problems of its implementation in the legislation of the Russian Federation. Dissertation of the Doctor of Law. M., 2014. 538 p.

ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Лимарева Марина Владимировна, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Пятигорского института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», Пятигорск, Россия, pragpu@mail.ru

Limareva Marina Vladimirovna, Assistant of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of the Pyatigorsk Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia, pragpu@mail.ru

Дата поступления в редакцию: 07.04.2023

После рецензирования: 22.05.2023

Дата принятия к публикации: 03.06.2023